UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324261 7

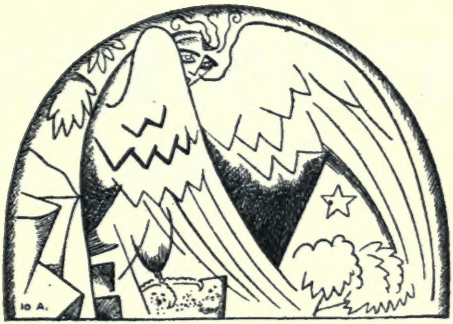
Ivanov, Viacheslav Ivanovich
Mladenchestvo

PG
3467
I8M55
1918

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

„АЛКОНОСТЪ“
Петербургъ.
1918.



Издательство „АЛКОНОСТЪ“.

Ivanov, Viacheslav Ivanovich

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Mladenchestvo

„АЛКОНОСТЪ“
Петербургъ.
1918.

PG
3467
I8 M55
1918

LIBRARY
NOV 24 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1024445

ВСТУПЛЕНІЕ
ВЪ ПОЭТИЧЕСКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Вотъ жизни длинная минея,
Воспоминаній палимпсестъ,
Ея единая идея —
Аминь всѣхъ жизней — въ розахъ крестъ.
Стройна ли пѣснь и самобытна
Или ничѣмъ не любопытна, —
Въ томъ спроситъ нѣкогда отвѣтъ
Съ перелагателя Поэтъ.
Размѣръ завѣтныхъ строфъ пріятенъ;
Герою были вѣренъ слогъ.
Не такъ поэму слышитъ Богъ;
Но ритмъ его намъ непонятенъ.
Солгать и въ маломъ не хочу;
Мудрѣй иное умолчу.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

I.

Отецъ мой былъ изъ нелюдимыхъ,
Изъ одинокихъ, — и невѣръ.
Стеля по мху болотъ родимыхъ
Стальныя цѣпи, землемѣръ
(Ту груду звучную, чьи звенья
Досель изъ сумерекъ забвенья
Мерцаютъ мнѣ, — чей странный видъ
Все память смутную дивитъ), —
Схватилъ онъ сѣмя злой чахотки,
Что въ гробъ его потомъ свела.
Мать разрѣшенія ждала, —
И вышла изъ туманной лодки
На брегъ земного бытія
Изгнанница — душа моя.

II.

Мнѣ сказывала мать, и лирѣ
Я суевѣрный тотъ разсказъ
Повѣдать долженъ: по Псалтири,
Въ полночный, безотзывный часъ,
Беременная, со слезами,
Она, молясь предъ образами,
Вдругъ слышитъ: гдѣ же?.. точно, въ ней--
Младенецъ вскрикнулъ!.. и сильнѣй
Опять раздался заглушенный,
Но внятный крикъ... Ей міръ былъ лѣсъ,
Живой шептаніемъ чудесъ.
Душой, отъ воли отрѣшенной,
Удивлена, умилена,
Пріяла знаменье она.

III.

Но какъ же знакъ истолковала?
Какой вѣщалъ онъ тайный даръ?
Не разумѣла, не пытала;
Но я возросъ подъ сѣнью чаръ
Ея надежды сокровенной —
На нѣкое благословенный
Святое дѣло... Можетъ быть,
Творцу всей жизнью послужить...
Быть можетъ, славить славу Божью
Въ еще невѣдомыхъ псалмахъ...
Мать ясновидѣла впотьмахъ,
Мірской не обольщалась ложью;
Но въ этомъ мірѣ было ей
Поэта званье всѣхъ милѣй.

IV.

Не романтизмъ (ему же въ мѣру
Она когда-то дань несла)
Въ ней говорилъ. Живую вѣру,
Народную, она спасла
Въ душѣ простой отъ заблужденій.
Съ наивнымъ опытомъ видѣній,
Съ безплотнымъ зрѣніемъ тѣней
По-русски сочетался въ ней
Духъ недовѣрчивой догадки,
Свободный, зоркій, трезвый умъ.
Но въ тишинѣ сердечныхъ думъ
Тѣ образы ей были сладки,
Гдѣ въ срѣтенье лучамъ Христа
Земная рдѣетъ красота.

V.

Ей сельскій іерей былъ дѣдомъ;
Отецъ же въ кремль ходилъ, въ Сенатъ.
Мнѣ на Москвѣ былъ въ дѣтствѣ вѣдомъ
Одинъ, другой священникъ — братъ
Ея двоюродный. По женской
Я линіи — Преображенскій;
И благолѣпіе люблю,
И православную кутью...
Но сироту за дочь лелѣять
Взялась нѣмецкая чета:
Къ нимъ чтицей въ домъ вступила та.
Отрадно было старымъ сѣять
Изящныхъ чувствъ и знаній сѣвъ
Въ мечты одной изъ русскихъ дѣвъ.

VI.

А дѣвой русскою по праву
Назваться мать моя могла:
Похожа поступью на паву, —
Кровь съ молокомъ, — она цвѣла
Такъ женственно-благоуханно,
Какъ сердцу русскому желанно.
И косы темныя до пять
Ей достигали. Говорятъ
Пустое все про „долгій волосъ“:
Разумница была она —
И „Несмѣяной“ прозвана.
Къ тому жъ имѣла дивный голосъ:
„Въ театрѣ ждали бъ васъ вѣнки“ —
Такъ свѣтовали знатоки.

VII.

Читали Библію супруги,
Усѣвшись чинно, по утрамъ.
Забыть и крѣпостные слуги
Не смѣли въ праздникъ Божій храмъ.
И на чепецъ сидящей дамы,
И на чтеца глядѣлъ изъ рамы
Румяный Лютеръ: одобрялъ
Ихъ рвенье Докторъ, что швырялъ
Чернильницей въ Весльзевула,
Когда отваживался шутъ
Его ученый путать трудъ,
Надъ коимъ благочестье гнуло
Мужской, съ височками, парикъ
И вялый, добрый женскій ликъ.

VIII.

Съ осанкою иноплеменной
Библейскій посѣщали домъ
То квакеръ въ шляпѣ, гость надменный
Учтиво-чопорныхъ хоромъ,
То менонитъ, насельникъ Юга.
Часы высокаго досуга
Хозяинъ, дерптскій богословъ,
Всѣ посвящалъ наукѣ словъ
Еврейскихъ Ветхаго Завѣта.
Въ перчаткѣ черной (кто бъ сказалъ,
Что нѣтъ руки въ ней?) онъ стоялъ
И лѣвою писалъ съ разсвѣта,
Обритъ и статенъ, въ парикѣ
И молчаливомъ сюртукѣ.

IX.

Французскій авторъ здѣсь грѣховенъ
Порой казался — или пустъ.
Но „Несмѣянѣ“ милъ Бетховенъ;
Царитъ Вольфганга Гете бюстъ
Въ дѣвичьей келліи. Марлинскій
Забытъ; но перечтенъ Бѣлинскій
(Съ Виссаріоновой сестрой
Она знакома). Прежній строй
Въ душѣ другимъ смѣнился строемъ.
Открыта свѣжая тетрадь,
Гдѣ новыхъ рнемъ лихая рать
Располагается постоемъ, —
Набѣгъ поэтовъ старины,
Что намъ—священны или смѣшны.

X.

Рѣшилось. Видно, вѣкъ дѣвицей
Ей вѣковать, не обрѣтя
По нраву мужа. Хоть Жаръ-Птицей
Пылаетъ сердце, — не шутя,
„Александрину“ Генріета
Все дразнитъ „рыбой“... Да и лѣта
Не тѣ... Но все-жъ въ монастырѣ бъ
Спасаться ей, не въ этотъ склепъ
Живые схоронить восторги!
Заранѣ храмъ ей снился, — тотъ,
Гдѣ столько лѣтъ ея приходъ:
Въ немъ лучъ въ нее метнулъ Георгій;
Подъ жаломъ Божьяго посла
Она въ земную глубь вросла.

XI.

Настало Руси пробужденье.
Мать родилася февраля
Въ день девятнадцатый. Рожденье
Народной вольности земля
Въ тотъ день соборно править стала.
Всю жизнь молиться не устала
Родная о своемъ царѣ:
Заутра быть какой зарѣ!
Былъ той молитвы сплавъ испытанъ
Въ горнилѣ медленныхъ надеждъ.
Въ послѣднихъ отблескахъ одеждъ
Златого дня и я воспитанъ...
Бароны жъ охали, дрожа, —
Въ тотъ день прощеный, — мятежа.

XII.

Но ихъ родня — домохозяинъ,
Правитель княжьихъ деревень
Отъ тундры до степныхъ окраинъ,
Благословлялъ желанный день, —
По-божьи опекунъ народный,
За міръ ходатай благородный...
И вотъ ужъ гладкій мавзолей,
Ласкаемъ вѣтеркомъ полей,
Бавкиды прахъ, прахъ Филемона
Покрылъ. Исчезли старики,
Чьи передъ смертью двойники
Близъ матери (— предвѣстье звона
Церквей, завѣшанныхъ сукномъ) —
Прошли въ видѣніи дневномъ.

XIII.

Мать у Большого Вознесенья
Самъ-другъ живетъ своимъ домкомъ —
Съ Татьянушкой... Какую тѣнь я
Изъ мглы временъ позвалъ тайкомъ!
Моей старушка стала нянѣй;
И въ памяти разсвѣтно-ранней
Мерцаетъ обликъ восковой..
Киваетъ няня головой, —
А „возлѣ рѣчки, возлѣ мо́ста“ —
Тамъ шелковà растетъ трава...
Сѣдая никнетъ голова,
Очки поблескиваютъ просто;
Но съ дѣтства я въ простомъ ищу
Разгадки тайной — и грущу.

XIV.

Съ Украйны дѣвушкой дворовой
Въ нѣмецкій домъ привезена,
Дни довлачивъ до воли новой,
Пошла за матерью она.
Считала мать ее святою.
Ея Украйна золотою
Мнѣ снилась: вечерѣетъ даль,
Колдуетъ по степи печаль...
А въ домикъ вдовый Генріетинъ
Супругъ довѣрчиво идетъ
И повѣсть грустную ведетъ,
Какъ оставался безотвѣтенъ
Призывъ души его больной,
Какъ онъ покинутъ былъ женой.

XV.

Онъ холодно-своеобычен
И не похожъ ни на кого;
Какимъ-то внутреннимъ отличенъ
Сознаньемъ права своего —
Безъ имени, безъ титлъ обрядныхъ —
На мѣсто межъ людей изрядныхъ.
Подъ пятьдесятъ; но сѣдины
Не видно въ бородѣ. Темны
И долги кудри; и не страненъ
На важномъ ликѣ, вслѣдъ волосъ
Закинутомъ, — огромный носъ.
Движеньемъ каждымъ отчеканенъ
Умъ образованный... Года? —
Но мать сама не молода.

XVI.

Нѣтъ! Сколько сороковъ трезвонятъ
По всей Москвѣ, ей столько лѣтъ.
И думы скорбныя хоронятъ
Давно дѣвическій расцвѣтъ, —
Хоть и щадятъ еще морозы
Осенній праздникъ пышной розы,
Какой чрезъ свѣтопись она
Моимъ очамъ сбережена...
Не долго плелъ отецъ мой сѣти:
Двухъ малолѣтнихъ сыновей
Разъ подъ вечеръ приводитъ къ ней
И молвитъ: „На колѣни, дѣти!
За насъ просите какъ-нибудь!“
И дѣти: „Намъ ты мамой будь...“

XVII.

Зоологическаго Сада
Чуть не за городомъ въ тѣ дни
Тянулась ветхая ограда.
Домишко старенькій они
Купили супротивъ забора,
За коимъ выла волчья свора
И въ щели допотопный рогъ
Искалъ просунуть носорогъ.
Съ Георгіевскимъ переулкомъ
Тамъ Волковъ узенькій скрещенъ;
Я у Георгія крещенъ...
Какъ эхо флейтъ въ притворѣ гулкомъ
Земной тюрьмы, — не умирай,
Мой дѣтскій, первобытный рай!

XVIII.

Межъ оконъ, что̀ въ предѣлъ Эдема
Глядѣли, было — помню я —
Одно слѣпое... О, поэма
Видѣній раннихъ бытія!
Волшебной жизнію живыя
Вещей загадки!.. Голубыя
На немъ подобія завѣсъ
Оставилъ нѣкій Ангелъ-сѣсъ.
Звѣрямъ присвоеннаго рая
Служилъ преддверіемъ нашъ садъ:
Акацій старыхъ вижу рядъ,
Березу, — у воротъ сарая
Сѣдого дворника, какъ лунь,
Какъ одуванчикъ — только дунь!

XIX.

Въ ложбинѣ черной, надъ водами,
Оленьи видѣлъ я рога.
А за сосѣдними садами
Манили взрытые луга,
Гдѣ пролагался путь желѣзный.
Но первый сонъ, душѣ любезный,
Въ окнѣ привидѣвшійся сонъ —
Былъ на холмѣ зеленомъ слонъ.
Съ нимъ Персы, въ парчевыхъ халатахъ,
Гуляли важно... Садъ звѣрей
Предсталъ обителью царей,
Плѣненныхъ въ сказочныхъ палатахъ,
Откуда вспыхивалъ и меркъ
Хвостомъ павлиньимъ фейерверкъ.

XX.

Мечты ли сонныя смѣшались
Съ воспоминаньемъ первыхъ дней?
Отзвучья ль древнія носились
Надъ колыбелію моей?
Почто я помню гладь морскую
Въ мерцаньи блѣдномъ — и тоскую
По ночи той и парусамъ
Всю жизнь мою? — хоть (знаю самъ)
Та мгла въ лицо мнѣ не дышала,
Окна не отъкрывалъ никто,
Шепча: „вотъ море“... и ничто
Сей грезы чуждой не внушало.
Лишь поздно очи обрѣли
Такую ночь и корабли.

XXI.

Но, вѣрно, былъ тотъ вечеръ тайный,
Когда, дыханье затая,
При тишинѣ необычайной,
Отецъ и мать, и съ ними я,
У оконъ, въ замкнутомъ покоѣ,
Въ пространство темноголубое
Уйдя душой, какъ въ нѣкій сонъ,
Далече осязали — звонъ...
Они прислушивались. Тщетно
Ловилъ я звучную волну:
Всколеблетъ что-то тишину —
И вновь умолкнетъ безответно...
Но съ той поры я чтить привыкъ
Святой безмолвія языкъ.

XXII.

Еще старинѣй эхо ловитъ
Душа въ кладбищенской тиши
Дедала дней, — хоть прекословитъ
Разсудокъ голосу души.
Ужель къ сознанью духъ проснулся
Еще въ тѣ дни, какъ я тянулся
Родной навстрѣчу, изъ дверей
Внесенъ кормилицей моей
Куда-то, въ свѣтъ, гдѣ та сидѣла?..
Стоитъ береза, зелена:
Глянь, птичка тамъ — какъ макъ, красна!
Высоко гостья залетѣла,
Что мнѣ дарила млечный хмель! —
Ты на березѣ, алый Лель!

XXIII.

Быть можетъ, мать не умолчала,
Былое счастіе святя,
Какъ встарь отъ груди отлучала
Золотокудрое дитя.
Но межъ обмановъ путеводныхъ,
Какими насъ въ степяхъ безводныхъ
Вожди незримые ведутъ,
Былъ первымъ алый тотъ лоскутъ,
Миражъ улыбчивой утраты,
Посулъ волшебный, что въ Эдемъ
Уходитъ все родное, чѣмъ
Недавно были мы богаты, —
Въ Эдемъ недвижимый, гдѣ вновь
Обрящемъ древнюю любовь...

XXIV.

Цѣла ли связка писемъ милыхъ,
Такъ долго недоступныхъ мнѣ, —
Что̀ мой отецъ въ поляхъ унылыхъ
Писалъ беременной женѣ, —
Гдѣ, въ благодарномъ умиленьѣ,
Увядшей жизни обновленье
Онъ славилъ, скучный клялъ урокъ
И торопилъ свиданья срокъ?..
Но съ той поры, какъ я родился,
На цѣпь и циркуль спроса нѣтъ:
Въ уединенный кабинетъ
Онъ сѣлъ, отъ міра заградился
И груду вольнодумныхъ книгъ
Межъ Богомъ и собой воздвигъ.

XXV.

И все въ дому пошло неладно:
Мать говорлива и жива;
Отецъ угрюмъ, разсѣянъ, жадно
Впиваетъ мертвыя слова —
И сердце женское ихъ ложью
Замыслилъ уклонить къ безбожью.
Напрасно! Бредитъ Чарльзъ Дарвинъ!
И гдѣ причина всѣхъ причинъ,
Коль не Предвѣчный создалъ атомъ?
Апоѳеоза протоплазмъ
Внушаетъ матери сарказмъ.
„Признать орангутанга братомъ —
Вотъ вздоръ!..“ Мрачнѣй осеннихъ тучъ,
Онъ запирается на ключъ.

XXVI.

Завѣтный ключъ! Онъ съ бранью тычетъ
Его въ замокъ, когда сѣдой
Стучится батюшка и причетъ —
Домъ окропить святой водой.
Вы, Бюхнеръ, Молешоттъ и Штраусъ,
Товарищи недѣльныхъ паузъ
Пиѳагорейской тишины,
Одни затворнику вѣрны, —
Пока безмолвія твердыня,
Веселостью осаждена,
Улыбкамъ женскимъ не сдана...
Такъ тайна Божья и гордыня
Боролись въ алчущемъ умѣ.
Отецъ мой былъ не sieur Homais!*)

*) Знаменитый вольнодумецъ-аптекарь изъ романа Флобэра „Госпожа Бовари".

XXVII.

Но — вѣка сынъ! Шестидесятыхъ
Годовъ земли россійской типъ;
„Интеллигентъ“, спрѣчь „проклятыхъ
Вопросовъ“ жертва — иль Эдипъ...
Быть можетъ, искреннѣй, народнѣй
Иныхъ — и въ глубинѣ свободнѣй...
Онъ всенощной, отъ раннихъ лѣтъ,
Любилъ „вечерній тихій свѣтъ“.
Но ненавидѣлъ суевѣрье
И всяческій клерикализмъ.
Здоровый чтилъ онъ эмпиризмъ:
Питай лишь мать къ нему довѣрье,
Законъ огня раскрылся бъ мнѣ,
Когда бъ я пальцы сжегъ въ огнѣ.

XXVIII.

Я три весны въ раю, и Змія
Не повстрѣчалъ; а между тѣмъ
Завѣсы падаютъ глухія
На первозданный мой Эдемъ.
Простите, звѣри! Заповѣданъ
Мнѣ край чудесъ, хоть не отвѣданъ
Еще познанья горькій плодъ:
Скитанье дольнее зоветъ.
Пенаты, въ путь!... Прудъ Патріаршій
Сверкнулъ межъ четырехъ аллей.
Обитель новая, лелѣй
Святого дѣтства облакъ старшій,
Пока таинственная смерть
Мнѣ пепломъ не одѣнетъ твердь!

XXIX.

И міру новому сквозь слезы
Я улыбнулся. Дворъ въ травѣ;
Отъ яблонь тѣнь, тѣнь отъ березы
Скользитъ по мягкой муравѣ.
Рѣшетчатой охваченъ клѣткой
Съ цвѣтами садикъ и съ бесѣдкой
Изъ пестрыхъ стеколъ. Намъ пора —
Въ зеленой глубинѣ двора.
Отецъ въ Контрольную Палату
Съ портфелемъ ходитъ. Я росту.
Какъ живописецъ по холсту,
Такъ по младенческому злату
Воспоминанье—чародѣй
Бросаетъ краски —все живѣй.

XXX

Отцовскій ликъ душа находитъ:
Стоятъ, всклокочены, власы;
А карандашъ въ рукѣ выводитъ
Рисунка дѣтскаго красы:
И тянется бумажной степью
По рельсамъ поѣздъ; длинной цѣпью
Онъ на колесикахъ катитъ;
Метлой лохматой дымъ летитъ.
Стихи я слышу: какъ лопата
Желѣзная, отважный путь
Врѣзая въ каменную грудь,
Изъ нѣдръ выноситъ мѣдь и злато, —
Какъ моетъ гдѣ-то желтый Нилъ
Ступени каменныхъ могилъ, —

XXXI.

Какъ зыбью синей Океана,
Лишь звѣзды вспыхнутъ въ небесахъ.
Корабль безлюдный изъ тумана
На всѣхъ несется парусахъ...
Словъ странныхъ наговоръ пріятенъ,
А смыслъ тревожно-непонятенъ;
Такъ жутко нѣженъ стройный складъ.
Что все я слушать былъ бы радъ
Созвучья тайныя, вникая
Въ ихъ зовъ причудливой мечтой.
Но чудо и въ молвѣ простой,
Залетной бабочкой сверкая,
Сквозитъ... Увижу ль, какъ усну,
Я „франко-прусскую войну“?..

XXXII.

Большой Театръ! Я въ эмпирен
Твои восхищенъ, радость глазъ!
Гулъ, гомонъ, алыя ливреи,
Пылающій и душный газъ;
Отъ блесковъ люстры до партера
Вертящаяся въ искрахъ сфера,
Блаженствъ воронка, рая кругъ...
И чаръ посулъ — узывный звукъ
(Какъ рогъ пастушій, что улыбкой
Златого дня будилъ мой сонъ) —
За тайной лавровъ и колоннъ,
Живыхъ на занавѣси зыбкой...
Взвилась: я въ нѣгахъ утонулъ,
Какъ-будто солнца захлебнулъ.

XXXIII.

Въ Музей я взятъ — и брежу годы
Все небылицы про Музей:
Объяты мракомъ переходы,
И въ нихъ, какъ бѣлый мавзолей,
Колоссъ сидящій — „Моисея“...
Воображенье въ сѣнь Музея
Рогатый ликъ перенесло,
Съ нимъ память плавкую слило.
Въ „Картинахъ Свѣта“*) списанъ демонъ,
Кого не мертвой глыбой мнилъ
Ваятель, Ангелъ Михаилъ.**)
Богъ вѣсть, сковалъ мнѣ душу чѣмъ онъ
И чѣмъ смутилъ; но въ ясный міръ
Вселился двойственный кумиръ.

---

*) Старинный альманахъ.
**) Микель-Анджело.

XXXIV.

Везетъ на лѣтнія гостины
Меня въ усадьбу мать, къ роднѣ;
Но стерлись сельскія картины,
Какъ пятна грифеля, во мнѣ.
Дать сахаръ въ зѣвъ Шарò не смѣя.
Роняю дань. Какъ два пигмея,
Кузэны, взрослые въ игрѣ,
Мельтешатъ на крутой горѣ.
Тѣ впечатлѣнья — крутосклонный
Зеленый горбъ, да черный песъ —
Вотъ все, что я домой привезъ,
Гдѣ ждалъ меня мой конь картонный
И ржаньемъ встрѣтилъ сѣдока,
Гдѣ мучила отца тоска —

XXXV.

И страхъ томилъ: бродили стуки,
Все въ домѣ двигалось само...
Безплотныя въ потемкахъ руки
Его касаются... Ярмо
Неотвратимаго удѣла
Надъ матерью отяготѣло...
Еще ходить на службу могъ,
Но чахъ отецъ, слабѣлъ — и слегъ.
„Нить скоро Парка перерѣжетъ“ —
Пророчатъ измѣненный ликъ,
Мелькнувшій за окномъ двойникъ,
Желѣзный надъ постелью скрежетъ.
Въ накатѣ ищутъ, межъ стропилъ —
Когтей таинственныхъ и пилъ.

XXXVI.

Не зналъ я ни о чемъ: обитель
Невинныхъ сновъ была ясна.
Но сталъ у ложа Посѣтитель
И будитъ отрока отъ сна.
И вдругъ, раскрывъ широко очи,
Я отличилъ отъ мрака ночи
Тѣнь старца. Былъ на черномъ опъ
Отчетливо отображенъ,
Какъ-будто вычерченъ въ агатѣ
Искусной рѣзчика иглой...
Тотъ образъ, съ вѣчною хвалой,
И нынѣ, на моемъ закатѣ,
Я — въ сердцѣ врѣзанный — храню
И друга тайнаго маню.

XXXVII.

О, гость младенческихъ пожинокъ,
Блюститель горній райскихъ жатвъ!
Кто былъ ты, странный? Русскій инокъ?
Иль братъ иныхъ обѣтныхъ клятвъ?
Въ скуфьѣ, съ бородкой, въ рясѣ черной
Въ меня вперяя взглядъ упорный,
О чемъ пророчески грустилъ?
Что дальнимъ днямъ благовѣстилъ?
Напутствовалъ на подвигъ темный
Ты волю темную мою?
Икону ль кроткую свою
Въ душѣ мятежной и бездомной
Хотѣлъ навѣкъ отпечатлѣть,
Чтобъ зналъ бѣглецъ, о чемъ жалѣть, —

XXXVIII.

Чтобъ о родимой Оивандѣ,
Кто въ міръ шагнулъ, за скитскій тынъ,
И лика Божія отъиде,—
Воспомнилъ въ день свой, блудный сынъ?..
Глядѣлъ я долго на монаха —
И, схваченъ судорогой страха,
Вскричалъ, какъ тонущій. И сиръ,
Какъ плачъ родившагося въ міръ,
Былъ крикъ земной. Родная ласка
Меня покрыла. Любо мнѣ.
„Приснилось что?“ — „Нѣтъ, не во снѣ
Его я видѣлъ.“ — „Али сказка
Помнилась?“ — „Нѣтъ, онъ живъ.“ —
„Но кто жъ
Твой старичекъ? И съ кѣмъ онъ схожъ?“

XXXIX.

Въ скуфьѣ владыку Филарета,
Святыхъ показываетъ мать:
Иконы нѣтъ, и нѣтъ портрета,
Гдѣ бъ глазъ мой сходство могъ поймать
Съ ночнымъ, невѣдомымъ пришельцемъ:
Одинъ я остаюсь владѣльцемъ
Нежуткой тайны чертъ живыхъ,
Чужимъ очамъ заповѣдныхъ...
Дала страдальцу нежить роздыхъ.
Но завозились доктора.
Онъ ждетъ: весенняя пора
И чистый деревенскій воздухъ
Искуснѣй, чѣмъ волхвы наукъ...
День смеркнетъ, — въ гости ткачъ-паукъ.

XL.

Проходитъ мать чрезъ всѣ мытарства,
Всегда притворно-весела.
Изъ комнаты — достать лѣкарства —
Метнулась разъ... и обмерла.
На креслѣ, въ сумракѣ гостинной,
Сидитъ отецъ, въ халатѣ; длинный
Наводитъ изподлобья взоръ
И мнетъ платокъ... Мать о коверъ
Споткнулась; а больной съ постели:
„Что тамъ?“ — и голосъ полнъ тревогъ.
„Я не ушиблась. Изъ-подъ ногъ
Шмыгнула мышь“... Но неужели
Обратный неизбѣженъ путь?
Какъ ей изъ спальни проскользнуть?

XLI.

Покой съ порога озираетъ:
Согбенъ, все тамъ же гость сидитъ,
Въ рукахъ платокъ перебираетъ
И прямо предъ собой глядитъ.
Скрѣпилась: мимо пролетѣла
И даже креселъ не задѣла.
Съ больнымъ спокойно говоритъ;
За живость тотъ ее коритъ...
Неугомонный богоборецъ
Критическій затѣялъ судъ
Съ эпохами, что̀ миѳы ткутъ.
А мирликійскій чудотворецъ, —
Весь въ бисерѣ, въ шелкахъ цвѣтныхъ, —
Надъ нимъ склонился, другъ больныхъ.

XLII.

Февраль въ исходѣ. Вслухъ читаетъ
Разборъ Евангелія мать.
У изголовья Смерть витаетъ;
А мысль упорствуетъ внимать,
Пытаетъ, взвѣшиваетъ, мѣритъ:
Бунтуетъ умъ, но сердце вѣритъ.
Съ дремотой бдѣнье пополамъ
Смѣсилось. Тѣни по угламъ
Насторожились. Мать бормочетъ.
Озрѣвшись дико, вдругъ отецъ,
Трясясь, вскочилъ... Ужель конецъ?..
Стряхнуть какой-то облакъ хочетъ.
Гдѣ жъ онъ?“ — хрипитъ: „Не отпускай!...
Ушелъ!“ — „Кто, милый?“ — „Николай.“

XLIII.

Затихъ; прояснился; лепечетъ:
„Утѣшься: вѣрую теперь.
Причастье душу мнѣ излѣчитъ.
Межъ тѣмъ какъ ты читала, въ дверь —
Я вижу, входитъ этотъ самый,
Что строго такъ глядитъ изъ рамы...
Ты вышивала?.. Тотъ же видъ!
Подноситъ Чашу и велитъ
За нимъ причастное моленье
Твердить. Я началъ. Вдругъ меня
Покрыла сверху простыня.
И заметался я, въ томленьѣ
По Чашѣ, — а его ужъ нѣтъ...
Шли за священникомъ, чуть свѣтъ!“

XLIV.

Христосъ приходитъ. Ожиданья
Ей не солгали. Долгій часъ
За дверью слышались рыданья,
Перерывавшія разсказъ
Души, отчаяньемъ язвимой,
Любовью позднею палимой
Къ Позвавшему издалека,—
И тихій плачъ духовника...
Былъ сѣрый день; игралъ я дома
И, бросивъ нехотя игру,
Безъ словъ былъ подведенъ къ одру.
Страдальца смертная истома
Снѣдала; потъ бѣжалъ рѣкой.
Онъ крестъ знаменовалъ рукой.

XLV.

Я помню сумракъ и чрезъ двери
Открытыя, въ гостиной, свѣтъ
И дымъ, какъ въ церкви. Я потери
Не чувствовалъ, хоть зналъ, что нѣтъ
Межъ насъ отца, не будетъ снова:
Онъ тамъ, подъ серебромъ покрова,
Скрестивши руки, спитъ въ гробу,
Холодный, съ вѣнчикомъ на лбу...
Пріѣхали изъ Института
Два брата: въ сборѣ вся семья.
Но старшаго не вижу я;
Другой, къ дверямъ приблизясь круто,
Какъ истуканъ, остолбенѣлъ,
И такъ на заревѣ темнѣлъ...

XLVI.

Крѣпчая, пестушъ-валъ качаетъ
Мой челнъ: за моломъ плещетъ ширь...
Мать новолѣтіе встрѣчаетъ, —
Гадаетъ, разогнувъ Псалтырь:
„Въ семьѣ отца я, пастырь юный,
Былъ меньшимъ. Сотворили струнный
Псалтиріонъ мои персты“...*)
— „Даръ пѣсенъ вѣщіе листы
Тебѣ пророчатъ“... Неразлученъ
Съ тѣхъ поръ съ душою ихъ завѣтъ:
Какъ будто потаенный свѣтъ,
Въ скудели полой, мнѣ порученъ, —
Дано сокровище нести...
Пора младенчества, прости!

*) Псаломъ CLI, 1 — 2.

XLVII.

Шесть весенъ... Видитъ у подножья
Высокой лѣстницы — во снѣ —
Мать духа тьмы и духа Божья
Въ бореньи трудномъ обо мнѣ...
Въ старинной церкви Спиридонья
Родимой тонкаго просонья
Являютъ новыя струи
Просторъ пустынной солеи
И два по клиросамъ кумира:
Тутъ — а н г е л ъ мѣдный, гость небесъ;
Тамъ — а г г е л ъ мрака, мѣдный бѣсъ...
И два таинственные міра
Я научаюсь различать,
Пріемлю отъ двоихъ печать.

XLVIII.

Лобзаетъ вѣжды лучъ янтарный
И пишетъ „радость“ по стѣнѣ,—
И полнотою стѣтозарной
Вдругъ сердце замерло во мнѣ!
Все спитъ. Безлюденъ дворъ песчаный.
Бѣгу въ цвѣтникъ благоуханный.
Въ цвѣтахъ играютъ мотыльки,
Какъ окрыленные цвѣтки.
Впервые солнечная сила,
Какой не зналъ мой ранній рай,
Мнѣ грудь наполнила по край
И въ ней недвижно опочила...
Пробился ключъ; въ живой родникъ
Глядится новый мой двойникъ...

Вступленіе и строфы I — XLV написаны
въ Римѣ, отъ 10 апрѣля по 23 мая 1913 г.;
строфы XLVI — XLVIII — въ Москвѣ,
28/15 августа 1918 г.

КНИГИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА:

Первая Пиѳійская Ода Пиндара. Переводъ размѣромъ подлинника (извлечено изъ журнала Минист. Народн. Просвѣщ. 1899 г. СПБ. *(Распродано)*.

De Societatibus Vectigalium publicorum populi Romani. Изд. Имп. Археологическаго Общества. СПБ. 1910.

Кормчія Звѣзды. Первая книга лирики. СПБ. 1903. (*Распродано*).

Прозрачность. Вторая книга лирики. Кн-во „Скорпіонъ". М. 1904. *(Распродано)*.

Эросъ. Стихи. Изд-во „Оры". СПБ. 1907. (*Распродано*).

Cor Ardens. Томъ I—II. Собраніе стихотвореній. Кн-во „Скорпіонъ". М. 1911. *(Распродано)*.

Нѣжная Тайна. Стихи. Изд-во „Оры". СПБ. 1912. (*Распродано*).

По звѣздамъ. Опыты философскіе, эстетическіе и критическіе. Изд-во „Оры". СПБ. 1909. (*Распродано*).

Борозды и Межи. Опыты эстетическіе и критическіе. Изд-во „Мусагетъ“. М. 1916. (*Распродано*).

Родное и Вселенское. Статьи. Кн-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Москва. 1917 г.

Алкей и Сафо. Собраніе пѣсенъ и лирич. отрывковъ въ переводѣ размѣрами подлинниковъ, со вступит. очеркомъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Памятники Міровой Лит.). М. 1914. (*Распродано*).

Младенчество. Изд-во „Алконостъ“. СПБ. 1918.

PG
3467
I8M55
1918

Ivanov, Viacheslav Ivanovich
Mladenchestvo

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY